

как только пытаешься уложить их в единую канву, пользуясь общепринятой человеческой логикой. Тексты направлены на подсознание. Именно там они царствуют, живут полной жизнью. Здесь, в реальном мире, им тесно. Как нельзя кстати вспоминается реплика, которая служит мерилем оценки многих стихотворных текстов: если стихотворение можно пересказать простым языком прозы, то и необходимость в таком стихотворении отпадает сама собой.

молчание
ничтожит даром речи
изображенье яблок на снегу

Автор не утруждает себя поиском философского камня в отличие от закоренелых метафизиков, с которыми сближается внутренним устройством стиха и которые, с одной стороны, вроде бы ищут философский камень, а с другой — отчетливо понимают, что этого камня в природе не существует. В стихах отсутствует поиск ради поиска. Первопричина, основа основ найдена и обозначена: любовь. Чувства любви определяют бытие. Чем сильнее чувства, тем полнее жизнь человека. Нет, не то чтобы полнее. Сама жизнь начинается с ними. Всё, что было до, — можно назвать скучным словом «существование» или, если хотите, «прозябание» — бессодержательное, бессмысленное, бесцельное существование.

спит машинист на станции конечной

и женщина кондуктор рядом с ним
в обнимку с сумкой из которой мелочь
тихонько подавала голос им

и снится машинисту как сверчок
поет и муравей идет на ужин
и как жена ложится на плечо

сквозь белый снег проваливаясь глубже

Но при всей своей убежденности в том, что ему — автору — удалось обозначить первооснову мира, он неустанно подвергает свои мысли сомнениям. Отсюда глубокая, почти трагическая ирония в стихотворении про Декарта и баклажан (радикальное сомнение), о морали и о том, как ее понимают марксисты (исторический материализм).

моя первая встреча с метро
состоялась в метро

«вснегумилев» — неожиданно найденное соединение слов и смыслов подобно клубку разматывается, раскручивается, фраза за фразой, буква за буквой, и вот уже перед нами чуть ли не спасительная нить Ариадны, помогающая выйти на свет из темного лабиринта после победы над своим собственным Минотавром. Все любовь, что спасает и дает право жить. По сути, книга именно об этом.

Юлия Подлубнова

Такая простая отрада

Книга Владимира Полетаева открывает серию «Поэты литературных чтений "Они ушли. Они остались"», чтений, ставших уже в своем роде легендарными, преодолевшими рамки литературных мероприятий ежегодного

Владимир Полетаев. Прозрачный циферблат / Сост. Б.Кутенков, Н.Милешкин, Е.Семёнова. — М.: ЛитГОСТ, 2019.

формата. Благодаря сумме неукротимых энергий Бориса Кутенкова, Николая Милешкина и Елены Семёновой и при поддержке Владимира Коркунова чтения освоили издательские технологии и, можно добавить, стали культурным поэтическим движением. Цель этого движения, как мне представляется, не просто сохранение памяти о поэтах, рано ушедших из жизни, но мягкая

и одновременно настойчивая корректировка истории русской поэзии, испещренной многочисленными лакунами, — надо только приблизить предмет наблюдения и заметить недостающее. Собственно процесс приближения зачастую и оказывается проблемой, поскольку требует досконального знания о предмете, которым вряд ли обладает кто-либо в индивидуальном порядке. Потому формат коллективных чтений, а затем антологий, являющих их результаты, кажется логичным и оптимально удачным, как логичен и запуск серии книг, укрупнено представляющих поэтов, невольно включенных в это движение из небытия в литературу.

Причем про историю литературы я уже сказала, но стоит учитывать также элемент актуализации поэтов в пространстве современной поэзии — именно в нем появляется как бы новый или недостаточно прочитанный автор, опознаваемый разными поэтическими кругами как свой или чужой, как носитель определенных кодов и смыслов. И здесь на первый план выходит отбор авторов, их багаж текстов и своего рода реноме — то, что предъявляется современности, и оценивается в ее контекстах, и в идеале влияет и на нее. Поэтому следить за серией, создаваемой на базе чтений, и выявлять эффекты, которые она собирает, продуцировать, довольно интересно.

Серия открывается книгой Владимира Полетаева (1951 г. р.), поэта, переводчика, первокурсника Литературного института, вышагнувшего из окна в апреле 1970 года. Как пишет Ольга Балла в предисловии, «от Владимира Полетаева осталось гораздо больше, чем вошло в эту книгу. Действительно, как уже после смерти Володи сказал его литинститутский наставник Лев Озеров, — на три сборника: стихи, переводы, проза». Однако при жизни Полетаев, по понятной причине молодости, публиковался мало — в газете «Московский комсомолец» и сборнике «Тропинка на Парнас». Собственно литературный дебют Полетаева случился 13 годами позже: в 1983-м, когда Олег Чухонцев собрал и выпустил в Тбилиси книгу стихов и переводов. Эта книга, кстати, не такой уж и раритет, при желании с ней можно ознакомиться в сети.

Полетаев 1983 года, как его вольно или невольно представляют Чухонцев, а также

написавшие предисловия Лев Озеров и Георгий Маргвелашвили, — поэт-семидесятник, не доживший до настоящих, ныне забытых, по словам Ольги Седаковой, 1970-х, вполне себе опознаваемый в пространстве «тихой лирики». «Помимо наследственных задатков культуры и интеллигентности, он был прекрасно воспитан именно на той свободе и тою свободой, которая сама вырабатывает себе нормы разумной необходимости, правильности, социального самочувствия и человеческого достоинства. Это относилось к его душе и уму, а позднее и к естественной эманации их — стихам. Он рано это осознал и сказал об этом» (Георгий Маргвелашвили). Имя составителя книги в семидесятнических контекстах тоже имеет большое значение. Но это, повторяюсь, ситуация начала 1980-х.

Полетаев 2019 года, при тех же вводных составляющих в виде текстов и высказываний о поэзии, уже иной. Перед нами поэт-восьмидесятник, с неизменным пристальным вниманием к поэтикам Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, о чем детально пишет Ольга Балла, и притом он оказывается как бы вне времени, вне историко-литературных контекстов, опознается как поэт достаточно современный и своевременный. «Он — будучи еще совсем юным — уже горький и мощный. Нет, не катастрофичный, не замороженный гибелью — напротив, страстно влюбленный в жизнь, влекущийся к ней и как раз поэтому глубоко, до уязвленности, ею взволнованный, постоянно выбиваемый ею из равновесия, — но именно горький: видящий глубину и трагизм жизни, — и мощный: не отводящий от видимого глаз, готовый это вынести. У него темный огонь внутри. И пронзительная музыка» (Ольга Балла). В бэкграунде Полетаева находят место Блок, Лермонтов, Тютчев, как, впрочем, и Чухонцев, и Кушнер, и в принципе ленинградская метафизическая поэзия с ее вниманием к традиционным формам стиха и эмпирической конкретностью. Более того, Полетаев в своем поэтическом творчестве соотносим с тем, что делают молодые поэты 2010-х, принципиально работающие на ниве силлабо-тоники: от Евгении Барановой и Анны Маркиной до Владимира Косогова и Василия Наценова. Он мог бы претендовать, например, на премию «Лицей» в первые ее два сезона, окажись действительно в другом времени и в когорте названных.

А у нас на Зубовском бульваре
музыка гуляет во дворах.
А сейчас на Зубовском бульваре
дождь вразброд и окна нарастах. <...>
Не наказывая, не прощая,
тихо наклоняется ко мне
молодость моя или чужая —
женщина, поющая в окне.

И здесь принципиально подчеркнуть, что книга и в принципе творчество Полетаева — поневоле законсервированная идея молодости. Это молодая поэзия, может быть, и не соотносящаяся прямо с биографическим возрастом автора (помним про характеристику «горький и мощный»), но и практически не отмеченная истинными знаками зрелости. Это ошеломленный взгляд поэта, открытого жизни, коллекционирующего ее фрагменты реальности, еще не опознаваемые как рутинизированные; коллекционирующего ее спонтанные детали. Взгляд поэта, реагирующего на какие-то ситуации впервые.

Прямо из горлышка — горько и сладко,
Жарко и холодно — пей без остатка!
Катится вечер, гремя и звеня,
Девочка в губы целует меня!!!

Полетаев — поэт лиричный, с эмоциональным фоном в диапазоне от печали до нежности, склонный, с одной стороны, к юношеским манифестациям и философским обобщениям, с другой — к почти детской легкости, не то пушкинскому, не то кушнеровскому баловству.

А большего нам и не надо,
такая у нас благодать,
такая простая отрада
снежки в мирозданье кидать.

Разумеется, случай Полетаева не уникален, но скорее типичен: поэты, совсем уж рано уходящие из жизни или из творчества (до 20), так или иначе обречены быть молодыми в пространстве культуры, оставаться под вечным сомнением: а был ли поэт вообще? Немногим — примеры известны наперечет — удастся расширить представление о возможностях поэзии, произвести в ней качественный сдвиг. В русской литературе

этого не смогла сделать даже печально знаменитая Ника Турбина. Так и в Полетаеве при всем его очевидном таланте остаются и ученичество, и тщательность еще нерасписавшегося поэта (может быть, особо необходимая в переводах, но их я как раз не берусь оценивать).

Полетаев укрупненно молод и в эссе, и в заметках, и в письмах 1966–1969 годов девочке Алле из Орджоникидзеабада (ныне Вахдат в Таджикистане) — они тоже вошли в книгу 2019 года. Именно здесь обретает физические параметры, эмпирическую плоть личность говорящего. Вот он восьмиклассник с тройкой по физкультуре, вот его волнуют вопросы абитуры, вот он студент Лита, вот он ведет разговор о книгах и стихах, восхищается Блоком, возмущается Асадовым, вот он рассказывает о поэтических успехах товарищей по литературному кружку, вот у него вышла подборка в «Московском комсомольце», вот то и дело возникает легкая поучительная интонация человека, уже входящего в литературу и уже берущегося выносить оценки.

Но как очаровательно небанальны бывают его признания: «Я люблю стихи, которые могу пробормотать на ходу, в такт дыханию, в такт шагу или, остановившись, пережить у паркета набережной, люблю стихи, которые ходят со мной рука об руку». Его наблюдения: «Ах, Лев Николаевич, что за дело было бы мне до Катюши Масловой, если бы глаза ее не были похожи на мокрую смородину?!» Его вопросы: «Почему в городе не бывает домовых? Потому что им теперь жить негде...»

Полетаеву многое было доступно. Разумеется, больше через литературу, не через жизнь. К жизни и ее болевым вызовам он оказался совершенно не готов. И все-таки поэту удалось оставить свой «памятник».

Холодное небытие,
минутной славы позолота,
и ты, бессмертие моё,
моя высокая работа.

Опять тетрадь в моих руках
бела, как смертная рубаха,
я прахом был, я кану в прах,
я встану Фениксом из праха.